
УДК 81'373.72

ББК 81.033

Г 85

Гриченко Л.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, докторант кафедры русского языка и культуры речи ЮФУ, e-mail: lgrichenko@yandex.ru

**Русские и английские пословицы с зооморфной метафорой:
универсальность и этноспецифика оценочности**
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются универсальность и этноспецифичность оценочности русских и английских пословиц с зооморфными метафорами. Установлено, что универсальные черты составляют многоуровневую структуру семантики оценочности, стремление к обобщенному анималистическому наименованию, условный характер аксиологической маркированности и ее амбивалентность; этноспецифичные – количественное и качественное наполнение аксиологически маркированных групп, различия в комбинациях средств дополнительной интенсификации оценочности.

Ключевые слова:

Пословица, оценочность, оценка, универсальность, этноспецифичность, амбивалентность.

Griченко L.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Theory and Practice of the English Language, Doctoral Candidate of Department of the Russian Language and Speech Culture, Southern Federal University, e-mail: lgrichenko@yandex.ru

**Russian and English proverbs with zoomorphic metaphors:
ethnic universality and specificity of their axiological semantics**

Abstract:

The paper deals with the ethnic universality and specificity of Russian and English proverbs with zoomorphic metaphors. Universal characteristics include cultural codes, tendency for generalized zoomorphic designation, multi-level evaluative semantics, flexible axiological marking and its ambivalence; ethnic specificity touches upon quantitative and qualitative content of axiologically marked groups and differences in combinations of additional axiological means.

Keywords:

Proverb, estimation, assessment, universality, ethnic specificity, ambivalence.

Исходя из того, что в лингвистике пословицы уже традиционно рассматриваются как репрезентанты типовых ситуаций, которые регулируют систему поведенческих норм этноса, закономерно предположить, что они фиксируют и за-

---

крепляют в этническом сознании систему ценностей и оценок. Выступая облигаторным признаком, оценка и оценочность как категории детерминируют экспрессивность и, как правило, эмотивность пословиц. Несмотря на то, что исследование пословиц как этноспецифичных единиц имеет в лингвистике длительную традицию, своего выделения и описания требует их универсальность и этно-лингвокультурная специфичность, проявляющиеся как на уровне формирования когнитивного представления, так и при языковой и речевой репрезентации. Подобный анализ позволит рассматривать пословицы в параметрах оппозиции «универсальное / этноспецифичное» и представить более полное и точное описание свойств подобных единиц.

Анализ пословиц как лингвокультурных феноменов требует интеграции подходов в рамках общей антропоцентрической парадигмы, которые позволяют отвлечься от формальной стороны явления и провести многоплановое описание, учитывая и когнитивные основания, и лексическое содержание пословицы, и ее семантику, и этно-лингвокультурное восприятие и отражение действительности, тесно связанные с системой ценностей этноса. Уникальный материал при выделении этнолингвокультурной универсальности и этноспецифичности представляют собой пословицы с зооморфными метафорами. Характерные для пословичного фонда антропоцентризм и метафорический перенос, нацеленные, прежде всего, на оценивание действий, поступков субъекта-лица с учетом принятой системы ценностей, наиболее ярко репрезентированы именно в этой группе пословиц. Здесь отражаются «не только принятая в обществе оценка человека, но и культурные представления народа, его традиции» [1: 90].

В условиях редкого, но возможного совпадения денотативной, образной и коннотативной составляющих зооморфной метафоры, а также частых несовпа-

дений на уровне денотативного наименования и /или коннотативной, символической, образной окраски особенно актуальными оказываются идеи об антропоцентричности, а также одновременной универсальности и национальной специфичности и языка в целом, и пословичного фонда. Справедливо замечание А. Вежбицкой: «Во-первых, язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека; это общая черта всех языков. Во-вторых, каждый язык национально специфичен» [2: 21]. Под универсальными характеристиками языков нами, вслед за Дж. Гринбергом, понимаются наиболее общие закономерности структурно-системной и знаковой организации: «За бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу» [3: 31].

Предваряя наше исследование, можно предположить, что в самых общих чертах универсальность пословичных фондов русского и английского языков проявляется, прежде всего, в наличии зооморфных культурных кодов, ПКМ, стремлении к анималистическому наименованию, в том числе обобщенного субъекта-лица. Специфика же затрагивает употребление, внутреннюю форму, конкретность и индивидуальность наименований-реалий, отличия в образной, символической и стереотипной составляющих.

Бесспорно, что универсальность и этноспецифичность детерминируются совершенно определенными когнитивными механизмами, в том числе и оценивания. Со стороны адресата оцениваются типологическое сходство ситуаций, возможность и степень ассоциативного сходства субъекта-лица и его признаков с анималистическим денотатом; параметры, связанные с прагматикой сообщаемого и конкретными условиями употребления.

Со стороны адресанта – содержание пословицы, ситуация ее употребления, форма и возможность реакции-ответа. При этом любой из перечисленных механизмов оценивания заключительным этапом обязательно имеет сопоставление адресантом и адресатом существующего положения вещей с принятой в данном этно-лингвокультурном социуме системой ценностей. В тех нередких случаях, когда анималистическое наименование субъекта-лица, представленное зооморфной метафорой, имеет условно маркированную или амбивалентную оценочность, обязательным является также учет дополнительных средств интенсификации и дифференциации оценочной семантики.

Как видно, семантика оценочности, заложенная в пословицы, в том числе и с зооморфными метафорами, строится на совершенно определенных когнитивных механизмах: чувственного восприятия окружающей действительности, ее ментального переосмысления (сопоставление, противопоставление явлений, их признаков и свойств), а также последующего сопоставления с существующей системой ценностей, определяющей нормы поведения, базовые ценности, черты национального характера.

Из сказанного следует, что на материале пословичных фондов русского и английского языков обнаруживается взаимообусловленность и взимозависимость близкородственных, но не тождественных понятий *оценки, оценочности, ценности*. Учитывая объективные и когнитивные предпосылки возникновения пословицы как способа регуляции поведения, логичным оказывается, что причиной возникновения в пословице оценивающей семантики и функции могла послужить изначально ценность какого-то предмета или события, которая, оцениваясь, получила соответствующую оценку по закрепленной аксиологической шкале и была соотнесена с существующей системой ценностей, а затем и внесена в

нее. Таким образом, применительно к пословицам русского и английского языков взаимосвязь перечисленных явлений обнаруживается изначально между понятиями «ценность явления» и его «оценка», на основе которых затем формируется «система ценностей» определенного народа и «оценочность» конкретного языкового выражения. Следовательно, ценность предмета или лица в материальном мире оказывается тождественна значимости субъекта или предмета и напрямую связана с принятыми моральными, нравственными и эстетическими нормами, общей системой ценностей нации.

Учитывая тот факт, что пословицы возникли как рефлексия на значимую ситуацию или событие, явились указанием на моральные и нравственные нормы, а затем закрепили их в некотором обобщенном, аксиологически маркированном генерализованном знании, встречающиеся в них ценности – это коллективные конвенционально закрепленные национально-ориентированные и национально-детерминированные маркеры поведения, которые воспроизводятся и передаются будущим поколениям в готовом виде.

Следуя тематическому и содержанию составов пословичных фондов русского и английского языков, можно также утверждать, что репрезентированные в них ценности представляют объективную действительность во всей ее полноте. Именно эта действительность и подвергается анализу и интерпретации, вследствие которых возникает логическая оценка субъекта-лица, поступка или события, связанная с обязательными общеназидательной и оценивающей функциями, а также неотъемлемыми признаками пословиц – дидактичностью, оценочностью, экспрессивностью. Учитывая сопряжение в пословице речевых и языковых характеристик, универсальным оказывается наличие в ней логической и эмоционально-экспрессивной оценочности как на уровне возникновения посло-

вичного изречения, так и на этапе его воспроизводства участниками коммуникации.

Также универсальной является репрезентация положительных/нейтральных/отрицательных оценок с позиции фиксированных образов, конвенционально-закрепленных установок и ассоциаций пословицам с зооморфной метафорой, входящими в единый зооморфный культурный код. Более того, разделение зооморфных метафор на группы *положительно-, отрицательно- и нейтрально- маркированных единиц* в соответствии с направлением их базового аксиологического вектора, заданного словарной дефиницией, также оказывается универсальным.

Вместе с тем, учитывая тот факт, что окончательную аксиологическую дифференциацию зооморфные метафоры получают непосредственно в тексте пословицы и/или при контекстуальном употреблении, очевидной становится возможная трансформация их оценивающей семантики и, как следствие, незначительная представленность однозначно аксиологически маркированных единиц в ПКМ. Данный факт признается не только системным для обоих пословичных фондов, но и обуславливающим необходимость деления зооморфных метафор на такие группы, которые бы в полной мере отражали специфику их аксиологической направленности в контексте и тексте пословицы. Универсальным в этой связи представляется деление зооморфных метафор на группы *условно положительно-маркированных и условно негативно-маркированных* единиц, актуализирующих словарные смыслы и коннотации в контексте цельнооформленной единицы: (*курица, сорока, лошадь, собака, медведь, пчела, соловей, мышь, dog, horse, fish* и др.): *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет* [4, т.3: 23]; *Орел орла родит, а сова сову плодит* [4, т.3: 153]; *Dog doesn't eat dog* [5: 90]; *Don't change horses in the mid-stream* [5: 92].

Также существенно, что подобное

деление зооморфных метафор на группы условно аксиологически маркированных единиц должно строиться с опорой на следующие критерии: словарная семантика единицы вне контекста (анализ денотативного и коннотативного аспектов, на основании которых формируется базовая оценочность); сопоставление оценочной маркированности зооморфных метафор в ПКМ и ЯКМ; учет семантики, закрепленных коннотаций и ассоциативного ряда ближайшего окружения; наличие/отсутствие интенсификаторов аксиологической семантики. Например, в русской пословице: *Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи* [4, т.3: 18] негативная оценка честолюбия, заносчивости и гордыни представлена зооморфной метафорой *соловей* и пословицей в целом. Несоответствие оценочности в ЯКМ (*поет как соловей = хорошо*) и ПКМ (*падок на таракана = плохо*), негативная семантика лексем *таракан* и *падок*, параллелизм структур не позволяют рассматривать зооморфную метафору *соловей* как аксиологически однозначно положительно-маркированную в ПКМ и способствуют включению ее в группу условно положительно-маркированных единиц в рамках пословичного фонда и ПКМ.

В английской пословице: *March comes in like a lion and goes out like a lamb* [5: 208] несколько иная ситуация: зооморфные метафоры *lion, lamb* в ЯКМ и ПКМ оказываются амбивалентными. Ассоциируясь с такими полярными чертами, как *храбрость, главенство, лидерство, разъяренность, хищность, мощь, мудрость – лев, и робость, застенчивость, трусость, раболепие – овца*, приведенные лексемы характеризуются противоположной аксиологической направленностью, однозначно определяющей свой вектор только в тексте пословицы и контексте, что позволяет отнести их к разряду условно аксиологически маркированных.

Таким образом, универсальными характеристиками групп условно аксио-

логически маркированных зооморфных метафор в пословичных фондах русского и английского языков выступают: значительная контекстуальная зависимость их аксиологического вектора; возможность амбивалентной оценочности, а также различной аксиологической маркированности зооморфной метафоры в ПКМ и ЯКМ в рамках одного или нескольких языков: *Из собаки блох не выколотишь* [4, т.3: 154]; *Любишь меня, так и собачку мою люби* [4, т. 3: 6]; *Волка на собак в помощь не бери* [3, т.2.: 294]; *Голодный волк сильнее сытой собаки* [4, т.2: 296]; *An old fox is not easily snared – Старый волк знает толк* [5: 38].

К специфике организации ПКМ как отличных от ЯКМ образований и одновременной их универсальности в обоих языках относится функционирование качественных/дескриптивных прилагательных при условно аксиологически маркированной зооморфной метафоре (дополнительные средства усиления семантики оценочности отсутствуют) как определителей вектора аксиологической направленности зооморфных метафор и /или пословицы в целом, нежели как интенсификаторов семантики оценочности: *Запрометчивому коню не верь в езде* [4, т.3: 40]; *Доброму коню в зубы не смотрят* [4, т.3: 97]; *Don't spur a willing horse* [5: 94]; *It's a foolish sheep that makes the wolf his confessor* [5: 69].

Пословицы с зооморфными метафорами и вводящими их цветообозначениями в обоих пословичных фондах также являются универсальным способом передачи конвенционально закрепленного, ассоциативного, часто детерминированного мифологией оценочного представления, которое может совпадать/не совпадать в различных лингвокультурах. Например, в английской и русской пословицах: *A black hen lays a white egg* [5: 11]; *Черного кобеля не вымоешь до бела* [4, т.3: 156] цветообозначения не являются определителями цвета в строгом смысле,

а являются интенсификаторами оценочной семантики зооморфной метафоры и пословицы в целом, так как репрезентируют принятые в обоих лингвокультурах представления о хорошем и плохом, с которыми, как правило, ассоциируются цвета *белый – черный*.

Использование количественных числительных в пословицах русского и английского языков, изначально нацеленное на интенсификацию/деинтенсификацию семантики по шкале количественности, предполагает интенсификацию или дифференциацию оценочной семантики зооморфной метафоры и пословицы. Существенным в этой связи оказывается факт возможной этноспецифичности оценочной семантики количественных числительных в пословичных фондах различных языков, а также в ПКМ и ЯКМ: *Двух зайцев гонять – ни одного не поймать* [4, т. 3: 58]; *Kill two birds with one stone* [5: 184].

При частотной репрезентации семантики оценочности русскими и английскими пословицами с условно маркированной зооморфной метафорой во многом универсальными в обоих языках оказываются и средства дифференциации/интенсификации семантики оценочности: наречия оценки и их дериваты, качественные/дескриптивные прилагательные, наречия, глаголы позитивной/негативной семантики; антонимы, лексемы, традиционно не рассматривающиеся как антонимичные, но создающие ситуацию контраста в тексте пословицы; цветообозначения, количественные числительные (иногда противопоставлены по конвенционально закрепленному числовому коду); противопоставления на основе семантики отсутствия – единичности – множественности; простые и сложные предложения, построенные по принципу сопоставления и противопоставления; союзы противительной семантики.

Национальную специфику дифференциации/интенсификации семантики оценочности в пословичных фондах

русского и английского языков составляют, во-первых, большое разнообразие и широкая представленность негативно-маркированных зооморфных метафор в пословичном фонде русского языка (*волк, лиса, щука, свинья, змея, ястреб, кошка*) по сравнению с их незначительной представленностью на материале английского языка (*donkey, ass, fox, wolf*): **Волк** в овечьей шубе [4, т.3: 23]; *Уснула щука, да зубы не снят* [4, т.3: 19]; *When the fox preaches, then beware your geese* [5: 323]. Во-вторых, возможность в пословичном фонде русского языка оценочных противопоставлений зооморфных метафор на основе гиперогипонимических отношений (*птица: синица, журавль, воробей; рыба: щука, карась*): *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* [4, т. 3:381]. В английском пословичном фонде присутствует, как правило, только класс животных, птиц и рыб: **A bird** may be known by its song [5: 10].

Склонность английской лингвокультуры к элиминированию категоричности, прямолинейности и резкости как при положительном, так и при отрицательном оценивании, а также возможность крайне категоричных зооморфных наименований субъекта-лица, находящихся на грани употребления русского литературного языка: *Посади свинью за стол, она и ноги на стол* [4, т. 2: 271], также составляют этноспецифичность пословичных фондов обоих языков.

К этноспецифичным способам интенсификации семантики оценочности пословиц русского языка с зооморфными метафорами также относятся: аффиксы закрепленной оценочности: корневые повторы; краткая форма качественных и дескриптивных прилагательных, союзы *и, так и*; союз *да*, в семантике которого присутствует разговорный оттенок.

Перечисленные универсальные способы дифференциации и/или интенсификации семантики оценочности в пословичных фондах двух языков, а также набор этноспецифичных средств, суще-

ствование которых обусловлено строевыми чертами каждого конкретного языка, активно используются при дополнительной интенсификации оценочной семантики условно маркированных зооморфных метафор, введенных аксиологически маркированными прилагательными.

К средствам дополнительной интенсификации в пословичном фонде английского языка можно отнести: грамматическую структуру СПП со сравнением, противопоставления на основе семантики *отсутствия – единичности – множественности* (*small – empty*): *Better a small fish than an empty dish* [5: 62]; противопоставления зооморфных метафор по конвенционально закрепленным ассоциативным признакам (*домашний – хищный, большой – маленький, опасный – менее опасный*), на основе которых и возникают отдельные оценочные оттенки: *A living dog is better than dead lion* [5: 27]; возможную интенсификацию/деинтенсификацию оценочной семантики условно маркированной зооморфной метафоры и вводящего ее аксиологически маркированного прилагательного глаголом негативной семантики: *It's a good horse that never stumbles* [5: 171]; *It's a foolish bird that soils its own nest* [5: 171]. В приведенных примерах глаголы *stumble, soil, марать* имеют явную негативную семантику (*soil – марать, пачкать, грязнить, порочить; stumble – спотыкаться, ошибаться, согрешить*).

В отношении русского языка, обладающего широким арсеналом средств дополнительной интенсификации семантики оценочности, таковыми средствами указанной оценочности зооморфной метафоры выступают: корневые повторы или повторы лексем: *От худой птицы худые вести* [4, т.3: 89]; *От худой курицы, худые яйца* [4, т.3: 151]; лексемы, традиционно не рассматривающиеся как антонимичные, но создающие в условиях контекста и употребления слов одного ассоциативно-тематического ряда си-

туацию контраста: *Из костлявой рыбки уха сладка* [4, т.3: 107]; антонимичные лексемы, ведущие к контрасту, который нередко подкрепляется использованием союзов противительной семантики, чаще всего союзом *да*, который характерен для устной речи: *Черная корова, да белое молочко* [3, т.3: 104]; усилительная семантика союза *и*, часто при словах одного ассоциативного или тематического ряда, что характерно для фольклорных текстов: *При верном псе и сторож спит* [4, т.3: 112]; возможное в русском языке противопоставление на уровне гиперогипонимических отношений: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* [4, т.3: 381]; структуры сложных и простых предложений со сравнением, использование наречий оценки и их дериватов (*хорошо/плохо*): *Домашний теленок лучше заморской коровы* [4, т.3: 112]; противопоставления на основе семантики *отсутствия – единичности – множественности* с использованием квантитивов (*много/мало*): *На леченой кобыле немного уедешь* [4, т. 3: 111]; аксиологически маркированные аффиксы: *Хороша курочка перьями, а мясом еще лучше* [4, т.3: 109]; краткая форма прилагательного иногда в сочетании со сравнением, сопоставлением: *Лыс конь – не увечье; плеши в молодец – не бесчестье* [4, т.3: 105]. Дублирование семантики оценочности несколькими средствами позволяет предположить, что семантика оценочности в английских и особенно русских пословицах представляет собой многоуровневую структуру, потенциал которой получает окончатель-

ную реализацию только в контексте.

Итак, пословичные фонды русского и английского языков, рассмотренные в параметрах оппозиции «универсальное/этноспецифичное», обнаруживают следующую систему универсальных и этноспецифичных признаков.

Универсальным признается наличие пословичных фондов, культурных кодов и ПКМ как облигаторных элементов ЯКМ; наличие общеназидательной и оценочной семантики; репрезентация категорий оценочности, экспрессивности, способность выступать средством интенсификации/деинтенсификации; стремление к обобщенному анималистическому наименованию субъекта-лица; использование средств, относящихся к различным уровням языковой системы; многоуровневая структура семантики оценочности за счет частого использования средств дополнительной интенсификации; условный характер аксиологической маркированности зооморфных метафор, их амбивалентная оценочность, а также несовпадения вектора аксиологической направленности зооморфных метафор в ПКМ и ЯКМ на материале одного или нескольких языков.

В самых общих чертах этноспецифика выражается в количественном и качественном наполнении аксиологически маркированных групп; возможных различиях в комбинациях средств дополнительной интенсификации семантики оценочности; строевых языковых особенностях, в соответствии с которыми совокупность средств репрезентации семантики оценочности может отличаться в различных языках.

Примечания:

1. Баранова А.Ю. Способы номинации человека в произведениях Л. Улицкой // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 4. С. 89-92.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. 416 с.
3. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Д. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1970. Вып. 5. С. 31-44.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М., 1993.

-
5. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М., 2007. 467 с.

References:

1. Baranova A.Yu. Ways of the person nomination in the works by L. Ulitskaya // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Issue 4. P. 89-92.
2. Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition. M., 1997. 416 pp.
3. Greenberg J., Osgood Ch., Jenkins D. The memorandum of language universals // New in foreign linguistics. M., 1970. Issue 5. P. 31-44.
4. Dal V.I. Proverbs of the Russian people: in 3 v. M., 1993.
5. Modestov V.S. English proverbs and sayings and their Russian correspondences. M., 2007. 467 pp.